

ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Год Германии в России

ФИЛОСОФИЯ ВРЕМЕН ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

А.М. РУТКЕВИЧ

Короткую историю Веймарской республики обычно подразделяют на три периода. Первый из них – с ноября 1918 по конец 1923 гг. – был временем подступающей гражданской войны, восстаний левых (в Гамбурге, в Саксонии), путчей правых (Капповский путч 1920 г., мюнхенский путч Гитлера в ноябре 1923 г.¹). Чудовищная инфляция разорила значительную часть среднего класса, французские войска оккупировали Рейнские земли. Затем наступает стабилизация (1924 – 1929), а с конца 1929 г. по январь 1933 гг. длится время, которое нередко именуют «агонией» республики. И в первый, и в третий периоды элементы гражданской войны были очевидны для любого наблюдателя: на улицах происходили схватки между сторонниками разных политических партий, причем нередко с применением оружия. У всех крупных партий были свои вооруженные отряды, таковыми обзавелись даже либералы. Нацистов и коммунистов отличала только решительность, готовность проливать чужую и свою кровь. Мировой экономический кризис особенно сильно поразил Германию, поскольку ее промышленность в значительной степени работала на экспорт. На конец 1932 г. в стране насчитывалось 6,5 млн безработных; разорение мелкой и средней буржуазии толкало ее к радикализации. Это относилось и к университетам: жизненный уровень немецкого профессора упал в несколько раз в сравнении с 1913 г., выпускники университетов не находили работы по профессии (а чаще всего не находили никакой работы).

Радикализация средних слоев, политизация тех сфер жизни, которые обычно не входят в область политического, были очевидны для современников². Радикализм – это неприятие действительности, status quo, отрицание традиции, компромиссов, нетерпеливость, вера в то, что нашему разуму уже открыта истина и требуются лишь эффективные, зачастую насильственные, меры для осуществления этой истины и всеобщего блага. Радикальные идеи получили хождение среди немецкой молодежи еще до войны, но тогда молодежное движение (Jugendbewegung) еще не было столь политизированным.

Скорее, неоромантические идеи «возврата к природе» сочетались со стремлением к нравственному самосовершенствованию, которое ведет и к социальным реформам. После войны *Jugendbewegung* политизируется, трансформируется в ряд политических союзов (так называемые «*buendnische*»), причем чаще всего симпатии юношества вызывают крайне правые и крайне левые движения и идеи, обещающие радикально преобразовать серую и безнравственную действительность в царство добра и справедливости.

Историки Веймарской республики при рассмотрении даже изобразительных искусств пишут о «правых» и «левых»³. Разумеется, такая схематизация ущербна — среди художников-экспрессионистов или представителей *Neue Sachlichkeit* были и коммунисты (К. Кольвиц), и нацисты (Э. Нольде), а многие вообще были аполитичны. Тем не менее, наиболее значимые произведения литературы и искусства той поры прочитывались политически, а число ангажированных художников было большим, чем в любую другую эпоху. То же самое можно сказать даже о богословии: неоортодоксия (или «диалектическая теология») смыкалась с решением политических вопросов. Одни оказывались «левыми», вроде Тиллиха, близкого в то время «молодым социалистам», другие, как Гогартен, смыкались с «правыми» (*voelkische*). В идеологических конфликтах отрицание существующей буржуазно-демократической республики осуществлялось как со стороны марксизма, так и со стороны так называемой «консервативной революции».

Это противостояние значимо и для понимания философии того времени. Более того, написано огромное количество статей и книг, в которых философские позиции прямо или косвенно сводятся к политическим. К таковым относятся не только банальные труды ортодоксальных марксистов, которые делили весь мир современной философии на два региона: «пролетарский» и «буржуазный» (иной раз «мелкобуржуазный» и «реформистский» использовались как дополнения). Даже произведения крупных левых мыслителей (Адорно, Бурдьё) несут на себе след подобного схематизма⁴. Оговорка по поводу того, что «философское поле» относительно автономно (Бурдьё), не меняет самого подхода: неокантианство и логический позитивизм относятся к «либерализму», Франкфуртская школа к «социализму», тогда как «философия жизни» и экзистенциализм соотносятся то с «консервативной революцией», то прямо с нацизмом⁵. В эту схему никак не помещается то, что многие члены Венского кружка были не просто умозрительно «левыми» в те годы, но и революционными деятелями: О. Нейрат был министром в Баварской советской республике, в конце 20-х гг. работал в Москве над составлением первого пятилетнего плана, а в эмиграции в США вел переговоры с Хоркхаймером об объединении левых философов-эмигрантов из Франкфуртской шко-

лы и Венского кружка⁶. Один из виднейших представителей «философии жизни», Т. Лессинг, был безусловно «левым». Квалификации задним числом ряда мыслителей как «либералов» на том основании, что они были в оппозиции к нацизму (К. Ясперс, Г. Плеснер), препятствуют их текстам времен Веймарской республики. «Духовная ситуация времени» Ясперса соотносима с трудами «младоконсерваторов», сходным образом писавших о приходе «массового общества», прежде всего с книгой Э. Юнга «Господство неполноценных»⁷; доводы Плеснера в пользу авторитарной власти тоже никак нельзя отнести к «либерализму». Включению всей «консервативной революции» в лагерь «реакции» и фашизма очевидным образом препятствует то, что левое крыло здесь было представлено мыслителями и деятелями, которые ориентировались на союз Германии и Советской России в борьбе с англо-саксонским империализмом, желали поднять на борьбу с последним колониальные страны, а в самой Германии желали именно социалистической революции. Но даже более умеренные, нежели Э. Никиш, мыслители явно не были теми, кто готовил пришествие национал-социализма. Собственно говоря, то немногое в интеллектуальной и политической сфере, что можно именовать «немецким Сопротивлением» в годы нацизма, относится почти исключительно к представителям «консервативной революции»⁸.

Философы того времени решали именно философские проблемы, а попытки свести философские исследования к «политическому полю» чаще всего служат дискредитации оппонентов и апологетике единомышленников. В эти игры играли не только марксисты — «Дорога к рабству» Ф. Хайека или «Нищета историцизма» К. Поппера являются хорошими примерами откровенного искажения истории мысли во имя либеральной идеологии. Любопытны и умолчания по поводу того, что делали и что писали представители тех или иных школ. Не является секретом то, что эмигрировавшие в США представители неопозитивизма и психоанализа, чаще всего не вспоминали о том, что в Вене и в Берлине они считались «красными» (или хотя бы «розовыми»). Естественно, об этом не вспоминали и оставшиеся в нацистской Германии, где во главе психоаналитической ассоциации оказался ученик «красного» А. Адлера — двоюродный брат Геринга. Немецкие либералы за малыми исключениями, вроде А. Вебера, верой и правдой служили новому режиму, их никто и не преследовал (если не брать тех, кого изгоняли, а потом и уничтожали по расовым признакам). Скажем, представители экономической школы Отто-либерализма, по проектам которой была осуществлена послевоенная реформа Л. Эрхартом, работали на высоких постах в ряде ведомств. О поддержке Хайдеггером нацизма написано множество критических трудов, но о том, что Адорно и Хоркхаймер весной 1933 г. направили в ведомство Геббельса письмо с предложением о плодотворном сотруд-

ничестве на благо немецкого народа, знают только узкие специалисты. Из крупных философов в нацистскую партию до прихода Гитлера к власти вступил только Э. Ротакер (1929), но об этом не вспоминали многому у него научившиеся в послевоенном Боннском университете Ю. Хабермас и К.-О. Апель⁹.

Естественно, человеческая память избирательна, а философы — да и ученые вообще — были вынуждены приспособляться к тем обстоятельствам и режимам, в которые их забросила история. От прочих обывателей их отличает лишь то, что они оценивают происходящее на основе своего опыта теоретического мышления. Обсуждая проблемы эпистемологии, этики, эстетики, даже политики, философы должны быть заняты поиском истины, а не властными интересами классов, элит или вождей. В метафизике нет «правого» и «левого» флангов.

Когда левые критики немецких «мандаринов» пишут о «реакционности» немецких гуманитариев, чуть ли не готовивших нацизм своими публикациями 20-х гг.¹⁰, обычно не учитывают того, что тогдашние профессора философии, истории, права, филологии ничуть не менее сурово, чем о марксистах, судили и о нацистах — именно с последними они куда чаще сталкивались в аудиториях — к 1930 г. почти все студенческие союзы уже возглавлялись нацистами. «Расовая биология» для философов-идеалистов, воспитанных на трудах Гёте, Канта и Гегеля, была философски куда более ущербной («вульгарный материализм»), чем марксизм, многое унаследовавший от немецкой «классики».

Если смотреть на немецкую академическую философию без рессентимента «левых», считавших, что их не допускали до профессорских постов только из-за «реакционности» тогдашних академических авторитетов, то мы обнаруживаем, что университетская философия в то время была представлена значительным числом незаурядных ученых. Помимо уже указанных выше философов-неокантианцев в университетах преподавали Э. Гуссерль и ряд его последователей, такие ученики В. Дильтея, как Э. Шпрангер, Г. Миш, Т. Литт, Г. Вах, опубликовавшие важные работы¹¹. Неогегельянство было представлено, прежде всего, историками философии: Р. Кронер, Т. Хэринг, Г. Глокнер.

С толкования Гегеля в духе Дильтея начинается свою философскую карьеру Г. Маркузе. Социология в Германии развивалась философиями: А. Шюц принадлежал к феноменологической школе, теория социальных ролей в Германии создавалась К. Левитом, М. Шелер заложил основы социологии знания, а Х. Фрайер — теории индустриального общества. В спорах об «историзме» и релятивизме в исторической науке участвовали как философствующие историки, так и историки философии. «Историзм и его проблемы» Э. Трёлча (1922), «Логика и систематика наук о духе» Э. Ротакера (1926) дают хорошее представление о дебатах того времени. «Закат Европы» О. Шпенглера заслужил свое место среди значимых философско-исторических трудов не

пророчествами о судьбах западной цивилизации, а резкой критикой европоцентризма. Философскими проблемами математики и естествознания занимались Х. Динглер, Г. Якоби, А. Венцль. Значимые работы были написаны религиозными мыслителями-католиками Р. Гвардини и Э. Пшивара, иудеями Ф. Розенцвейгом и М. Бубером. Уровень историко-философских исследований в Германии был вообще несопоставимо более высоким, чем в других странах. Достаточно взять какую-нибудь совсем узкую область, скажем, исследование соотношения раннего христианства и гностицизма, как обнаруживаются превосходные для того времени работы Х. Лейзеганга и Х. Йонаса (кстати, его книга представляет собой текст диссертации, написанной под руководством Хайдеггера). Серьезные дискуссии велись в таких областях, как философия образования и философская психология. Даже у политически ангажированных философов мы обнаруживаем безукоризненно «беспартийные» и содержательные труды. Один из главных «бонз» от философии нацистского режима, А. Боймлер, имел авторитет одного из лучших интерпретаторов третьей «Критики» Канта. Возглавлявший немецкое философское общество до Гитлера и возглавивший его «арианизированную» версию в 1934 г. Бруно Баух писал высокопрофессиональные тексты и по философии науки, и по аксиологии.

Говоря об университетской философии той поры, следует иметь в виду небольшое число профессиональных философов. В Германии имелось 23 университета и ряд инженерных и экономических высших школ, в которых преподавалась философия. На всю Германию было около 500 профессоров, приват-доцентов, ассистентов — философов, из которых немалую часть (в католических землях) составляли священнослужители, верно излагавшие учение Св. Фомы. Число студентов в Германии — в сравнении с кайзеровскими временами — выросло примерно на треть (с 70 тыс. в 1913 г. до 115 тыс. в 1932 г.), но этот рост обеспечивали, прежде всего, инженерные школы. Философии обучалось незначительное число студентов, а ставки профессоров обеспечивались за счет того, что они читали логику и философию права юристам, философию религии теологам, философию природы естествоиспытателям. Если в кайзеровские времена карьера академического ученого выглядела трудной, но привлекательной, то в Веймарской республике молодые ученые воспринимали себя как «академический пролетариат».

Хотя философия никогда не была «отражением» экономических и политических процессов, существует она не в «безвоздушном» пространстве чистой мысли. Философы обращаются к тем проблемам, которые либо унаследованы ими от прошлого, либо выведены на первый план, иной раз даже «навязаны» самой действительностью. Философское наследие в Германии было огромным, к нему неизбеж-

но обращались и те, кто стремился создать нечто новое. Э. Кассирер и М. Хайдеггер спорили в Давосе зимой 1928 г. по поводу трактовки Канта. Но начинающаяся слава Хайдеггера как мыслителя-новатора, курсы которого в Марбурге и Фрайбурге привлекали лучшие молодые умы, была связана, конечно, совсем не с тем, что он иначе, чем неокантианцы, читал первое издание кантовской «Критики чистого разума». Достаточно вспомнить о тех молодых философах, которые тогда учились у Хайдеггера и писали под его руководством диссертации — Х. Арендт, Х. Йонас, Г. Маркузе¹². Молодые люди той эпохи не желали слушать речи и лекции, которые, казалось, утратили всякий контакт с действительностью, новыми веяниями в искусстве, литературе, религии, политике.

Еще были живы и работали те мыслители, слава которых гремела до войны. Скажем, виталистический волюнтаризм Р. Эйкана, первого философа, удостоившегося Нобелевской премии (Бергсон был вторым), теряет былое воздействие на образованную публику — бесследно исчезают организованные им довольно массовые общества во всех немецких землях, имевшие на 1914 г. черты религиозной секты. Буквально сходит на нет бесспорно главенствовавшее ранее неокантианство. Продолжали работать такие его лидеры, как П. Наторп, Г. Риккерт, Й. Фолькельт, Л. Нельсон, А. Риль, преподавали их многочисленные ученики, но хоть какое-то влияние осталось лишь у Э. Кассирера, трансформировавшего узкую эпистемологическую программу «марбуржцев» в философию культуры («Философия символических форм»). Как писал свидетель этой эпохи Г. Глокнер, «все направления неокантианства — и, прежде всего, наиболее характерная своей односторонностью и наиболее успешная “марбуржская школа” — свалились в массовую могилу немецких надежд эры Вильгельма»¹³. Были позабыты и труды немецких позитивистов предвоенной поры, идет ли речь о собственно немецких или об австрийских и швейцарских (Мах, Авенариус) авторах. Продолжал разрабатывать свою виталистическую программу Г. Дриш¹⁴, но она уже не интересовала биологов, тогда как образованная публика почитала порывавших со всякой научностью виталистов — О. Шпенглера, Л. Клагеса и, прежде всего, Ф. Ницше. Можно сказать, что именно философия Ницше была в центре тогдашних философских размышлений сторонников самых разнообразных учений и программ. Не следует упрощенно сводить ее исключительно к интеллектуальной «подготовке нацизма» хотя бы потому, что и близкие марксизму авторы многим обязаны именно Ницше: перспективизм в социологии знания К. Мангейма восходит (через Зиммеля) к Ницше; Ю. Хабермас имел все основания для того, чтобы подчеркивать связь ряда идей Франкфуртской школы с ницшеанством¹⁵. И несмотря на то, что именно правые и ультраправые создавали тогда настоящий культ Ницше и продвигали ту его трактовку, которая станет частью

национал-социалистской идеологии (в этом особая «заслуга» Боймлера), среди правых встречались и убежденные противники нищезанятия¹⁶.

Многие историки философии писали о том, что после Первой мировой войны в немецкой философии произошел переход от логики и гносеологии к онтологии. Замечено это верно, тем более, что именно так считали и сами мыслители, которые отходили от неокантианства и начинали излагать собственные учения. Правда, любая теория познания предполагает онтологию, а всякая онтология все же обосновывается эпистемологически — бытие, действительность каким-то образом открывается мыслителю. Неокантианцы без онтологии тоже не могли обходиться. Скажем, представители Баденской школы утверждали, что существует некая иррациональная действительность, первобытный хаос, на который налагаются организующие его формы нашего мышления. Показательна и эволюция этой школы к разновидности абсолютного идеализма — «Система философии» Риккерта (1921) определяет философию как «всеобщую науку, или учение о мировом целом». П. Наторп в лекциях по философской систематике (1922 — 1923) разрабатывает платоническое учение о «первоедином». Тем не менее, основное внимание уделялось неокантианцами обоснованию научного знания. Поворот к онтологии в 20-е гг. был в то же самое время поворотом *от* науки. Разумеется, таких мыслителей как Шелер, Хайдеггер или Ясперс не обвинишь в банальном «анти-сциентизме» по невежеству: они обладали хорошей научной выучкой, а Ясперс вообще был крупным ученым¹⁷. Однако наука для них перестала быть главным (или даже исключительным — в случае позитивизма) инструментом постижения действительности.

Возврат к спекулятивной метафизике (или диалектике — в случае неогегельянцев) у ряда мыслителей прямо увязывался с «отказом от празднующего триумф разума», как писал в 1920 г. П. Вуст в книге «Возрождение метафизики». Этот рано умерший философ был платоником, как и ряд религиозных мыслителей, будь они католиками, протестантами или иудеями. К платонизму склонялись, прежде всего, некоторые последователи Гуссерля, пришедшие к нему под влиянием первого тома «Логических исследований», но не принявшие трансцендентализма его «Идей». Вслед за Шелером (не обязательно под его влиянием) по этому пути пошли Э. Штайн, Д. фон Гильдебранд.

К Августину все чаще обращались католики, вопреки официальному томизму тогдашней церкви. Но след неоплатонизма заметен и у мыслителей-иудеев, развивавших учение о философии как диалоге с Богом (Ф. Розенцвейг, М. Бубер)¹⁸. Особое место в этом повороте к онтологии занимали первые оригинальные труды Н. Гартмана, в «критическом реализме» которого сочетались мотивы натурализма и платонизма.

Метафизическое преодоление неокантианства, как пишет О. Марквард, «также было ответом на Первую мировую войну», поскольку корректировалось ограничение философских исследований вопросами научной теории; перед философией вновь встали во всей полноте фундаментальные для человека проблемы. Но были и несомненные утраты. «Ведь одновременно отвергались те мотивы неокантианства, которые в случае марбургского неокантианства вели политически к реформированному социализму... и которые были движением в сторону буржуазной демократии»¹⁹. Для сторонников возврата к метафизике буржуазный мир, да и весь проект Модерна выглядели как эра нигилистического отрицания, которая неизбежно привела к мировой войне. Веймарская республика в этой оптике представала как жалкая попытка утвердить то, что обречено на погибель.

Возврат к освященной традицией метафизике был не единственным вариантом перехода к онтологической проблематике. Таковая была хорошо заметна и в довоенной «философии жизни». И Шопенгауэр, и Ницше были своего рода онтологами-интуитивистами, когда создавали свои учения о «мировой воле». В рассуждениях Зиммеля о преодолевающей все границы жизни²⁰ уже намечаются те идеи, которые окажутся основополагающими для немецкой экзистенциальной философии. Противник такого «ненаучного» философствования, Г. Риккерт ясно увидел в «философии жизни» отказ от науки: при построении интуитивистской метафизики все ссылки на биологию и медицину служат лишь прикрытием воинствующего иррационализма²¹. Он увязал с «философией жизни» и первый собственно философский труд К. Ясперса «Психология мировоззрений», причем имел для этого основания, не зависящие от личных отношений этих двух мыслителей (отношений, следует отметить, крайне недоброжелательных). Экзистенциальная философия рождалась из сочетания феноменологии Гуссерля, «философии жизни» Дильтея и Зиммеля, идей Ницше и незадолго до того переведенных на немецкий язык сочинений Кьеркегора. К этому списку можно добавить романы Достоевского, новый перевод которых на немецкий сопровождался «идейными» послесловиями Дм. Мережковского и А. Мёллера ван ден Брука.

О главных трудах Хайдеггера и Ясперса написаны целые библиотеки толкований; вряд ли есть нужда в том, чтобы излагать здесь неоконченное «Бытие и время» первого и трехтомную «Философию» второго. Понятно, что мы имеем здесь дело с онтологией, которая по-рывает с метафизической традицией. И Бытие Хайдеггера, и «всеобъемлющее» Ясперса непостижимы не только для научного интеллекта (Verstand), но и для того разума (Vernunft), к которому обращалась западная мысль от Платона до Гегеля. Время «метафизики света» завершилось. Философская мысль остается строгой: феноменологическое

описание Dasein или «пограничных ситуаций» отличает эти учения от всякого рода темной мистики. Учение о бытии было последней целью и Хайдеггера, и Ясперса, но современники увидели в их философии, прежде всего, радикально обновленную антропологию, в которой определяющими факторами становятся: выбор самого себя, риск, оппозиция «подлинного» и «неподлинного» существования. Эти темы звучали в то время и в трудах протестантских богословов (К. Барта, Р. Бультмана, П. Тиллиха и др.), но они же определяли «политическую теологию» К. Шмитта — хотя он был католиком, его «децизионизм» явным образом восходит к учению Кьеркегора о «выборе» и «скачке». «Решимость», «решительность» мысли и действия — вот постоянно повторявшаяся у разных авторов тема²².

Хотя представители возникшего в те же 20-е гг. направления, получившего наименование «философская антропология», неоднократно подчеркивали отличия своей позиции от экзистенциализма, многое эти два учения объединяет. Выпустивший в 1928 г. свой главный труд «Ступени органического и человек» Х. Плеснер в целом ряде своих произведений полемизировал с Хайдеггером; более того, в эмиграции он прямо относил его к числу тех, кто прокладывает путь к нацизму²³. Однако между воззрениями Плеснера и Хайдеггера куда больше общего: достаточно внимательно прочитать заключительный раздел этого труда, в котором Плеснер устанавливает «Основные антропологические законы»²⁴, чтобы увидеть общность ряда позиций. Независимо друг от друга эти мыслители приходили к близким характеристикам «удела человеческого». Отличает Плеснера от Хайдеггера (и роднит с Ясперсом в «Духовной ситуации времени») только пессимизм по поводу всех попыток найти утраченный рай Gemeinschaft. Но как раз в сфере политики этот пессимизм вел Плеснера к выводам, чрезвычайно близкими «децизионизму» К. Шмитта. «Политическое» для Плеснера не есть нечто сопутствующее другим измерениям (теологическому, экономическому, правовому, эстетическому и т.д.) — таков взгляд отвергаемой им либерально-буржуазной эпохи; политическая борьба есть а priori человеческой жизни, горизонт, в котором могут проявиться другие сферы и измерения. Поэтому решимость и борьба создают поле, в котором осуществляется все остальное, нет никакой нейтральной позиции, равно как и «индифферентного созерцания сущности человека»²⁵. Если же учесть, что Плеснер писал об авторитарной власти суверена, харизматического вождя, решительно направляющего народ на «уничтожение врага», то его политическую антропологию можно было бы записать в «предфашистскую философию» даже с большими основаниями, чем сочинения Хайдеггера.

Обоих мыслителей (равно как Шелера и Гелена) относят к «консервативной революции», но и эта — более уместная классификация — является ущербной, пока речь идет о философской мысли. Связую-

щим с идеологией звеном является только один (правда, важнейший) элемент философской антропологии. От статичного понимания «природы человека» (рассматривается ли он как «образ и подобие» или как *homo sapiens*) совершается переход к видению активного, преобразующего себя существа, которое вынуждено действовать, дабы выживать. Человек — вовсе не вершина биологической эволюции, но ее обрыв. Он является, по словам Гердера, «первым вольноотпущенником природы» как раз потому, что представляет собой биологически несовершенное существо, лишенное данных самой природой инстинктов, регулирующих взаимоотношения со средой обитания. У человека вообще нет среды (*Umwelt*), зато ему открыт мир (*Welt*). Его сознание свободно от природной детерминации, он сам избирает свой путь. Но именно поэтому его существование всегда оказывается авантюрой, рискованным предприятием, возможностью крушения. Героический пессимизм — вот что роднит философскую антропологию и идеологию «консервативной революции». Низшее изначально наделено силой, высшее ее лишено; каждая более высокая форма бытия живет лишь за счет сил более низкой, а последняя нередко «бунтует» и уничтожает высшее. Это относится и к человеческому миру: «Кратковременны и редки периоды расцвета культуры в человеческой истории. Кратковременно и редко прекрасное в его хрупкости и уязвимости»²⁶. Не Дарвин, а Ницше является очевидным первоисточником философской антропологии. Между философскими трудами и идеологическими сочинениями того времени («Третий Рейх» А. Мёллера ван ден Брука, «Рабочий» Э. Юнгера и др.) чаще всего нет прямой связи, но и те, и другие передают неповторимый *Zeitgeist* (дух времени).

Задним числом марксисты писали труды, в которых подчеркивалась непримиримость «фашистского иррационализма» и гегельяно-марксистской (а иной раз и фрейд-марксистской) «философии разума». Об этом писал и Г. Маркузе в «Разуме и революции» (1941), и Г. Лукач в «Разрушении разума» (1954). Но только «Историю и классовое сознание» (1923) Лукача трудно отнести к трудам, защищающим «научный разум» от иррационализма. Революционная эсхатология излагается гегелевским языком: пролетариат из «класса-в-себе» становится «классом-для-себя», преобразуя тем самым не только социальные отношения, но и всю действительность, включая и специализированное, а потому «буржуазное» научное знание. Блуждания человечества по пустыне овеществленного мира завершаются, новое «тотальное» знание сменяет «калькулирующий» буржуазный рассудок²⁷. Революционное мессианство Э. Блоха еще в меньшей степени можно относить к области «разума». От «правых» этих мыслителей отличает только то, что субъектом эсхатологически постигнутой истории выступает пролетариат. И правые, и левые критики

Веймарской республики верили в «нового человека» — труженика, революционера и воина.

Франкфуртская школа тогда только возникала: Хоркхаймер, Адорно, Маркузе, Фромм, Беньямин были совсем молодыми людьми, начинавшими свою деятельность во времена Веймарской республики. Одна из тенденций, характерных для будущего этой школы уже присутствовала: к марксизму стали прививать психоанализ. Берлинский Институт психоанализа был, несомненно, «левым» — по сравнению с Венским²⁸. Неофрейдизм Хорни и Фромма генетически связан именно с Берлинским Институтом, к которому Фрейд и его окружение относились с немалым недовольством. Слово «ревизионизм» не было придумано марксистами-ленинцами, его нередко употребляли и фрейдисты по отношению ко всякого рода «уклонистам». Однако и ортодоксальный психоанализ того времени, и возникающую неофрейдистскую доктрину вряд ли можно отнести к противостоящим «иррационализму» силам.

Логический позитивизм хоть в Вене, хоть в Берлине, конечно, в некотором смысле, противостоял любой политической мифологии. Вернее, он противостоял попыткам представить мифы или идеологии как научно обоснованные. Однако сами критерии научности были предельно узкими, едва ли пригодными даже применительно к естественным наукам. К социальным наукам и к истории неопозитивисты тогда еще не приступали, а когда приступили, их идея единого научного знания тут же оказалась сомнительной²⁹. Витгенштейн честно отнес к «мистическому» все то, что не относится ни к эмпирическим наукам, ни к тавтологиям логики и математики; более сциентистски настроенные члены Венского кружка в случае хоть политических, хоть эстетических, хоть этических вопросов отсылали к «психологии», в которой видели «раздел физики» (Карнап), как будто такая «психофизика» может дать нам сносные ответы на подобные вопросы. То, что многие видные представители кружка были «левыми», вряд ли случайно; иным из них даже «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина с его наивным сенсуализмом казался серьезной философской работой³⁰. Только о политической ситуации и в Германии, и в Австрии они практически ничего не писали, а если бы и писали, то не в качестве философов, а в качестве «попутчиков» социалистов и коммунистов, каковыми многие из них тогда были. В философии логического позитивизма вообще отсутствовал тот язык, на котором можно было бы описывать исторические события.

Можно было бы продолжать перечисление содержательных философских исследований 20-х гг. Взлет немецкой философии в это время сопоставим разве что с эпохой «классики» (от Канта и Гердера до Гегеля). Говоря о философской антропологии, мы могли бы обратиться и к «Философии символических форм» Кассирера, и к «культурной

антропологии» Ротакера. В это время появляется немецкая философия техники. На немецком языке писали свои труды не только в Германии, но и в ряде стран Центральной и Восточной Европы — феноменология и логический позитивизм получили распространение в других странах (скажем, Львовско-Варшавская школа в Польше).

Немецкую философию того времени вообще трудно отделить от австрийской: феноменология, неопозитивизм, психоанализ возникли в Австрии, но быстро вышли за ее пределы. В дунайской империи (а после 1918 г. республике) не появились некоторые направления (неокантианство, «философия жизни»), а другие и не могли появиться — в католической стране вряд ли представима протестантская «неоортодоксия». Но профессора и студенты перемещались из одной страны в другую, сходными были и политические проблемы. В послевоенном автобиографическом романе Э. фон Заломена «Анкета» автор вспоминает, как со всей Германии в Австрию приезжали учиться у О. Шпанна студенты и вольнослушатели из «национально-революционных» кругов и кружков. В сферу академических контактов, естественно, входили и университеты немецких кантонов Швейцарии, прежде всего Базельский университет. Правда, из того, что можно отнести к философии, там разрабатывались преимущественно проблемы философской психологии³¹.

Весь этот живой мир университетских дебатов, полемики в журналах, умозрений и прозрений почти одновременно умирает и в Германии, и в Австрии. Происходит это в 1933 г. — в конце января в Берлине, в марте того же года в Вене. Конечно, так называемый «австрофашизм» Дольфуса-Шушинга не был тоталитарной диктатурой в полном смысле слова, но «красной Вене» пришел конец. Хорошо известно, как происходила «реорганизация» (примерно так можно перевести *Gleichschaltung*) в Германии: к лету 1933 г. все политические партии, кроме правящей, были ликвидированы, профсоюзы подчинены, активисты левых партий арестованы, газеты и журналы (издания других партий) либо закрыты, либо сменили главных редакторов и стали покорными исполнителями воли новых правителей.

Немногие интеллектуалы оказались за решеткой или в тех лагерях, в которых подручные Геринга (к ведомству Гимmlера лагеря перейдут через несколько лет) «перевоспитывали» своих противников. Университеты почти не были затронуты подобными мерами. Некоторое число преподавателей-евреев было отстранено от работы, часть из них перебегала в другие страны. Небольшое число оставшихся оппозиционеров, живших во «внутренней эмиграции», несопоставимо с количеством тех, кто быстро приспособился и принял новые «правила игры». Приспособление профессоров и приват-доцентов к нацистскому жаргону легко зафиксировать по публикациям, да и в памяти сохранились анекдотические суждения, вроде характе-

ристики Гераклита как «древнего нордического мыслителя раннегреческой эпохи» (ее приводит в своих мемуарах Лёвит). Разумеется, «достойные» образцы имелись: называл же главный идеолог нацизма Розенберг Сократа «первым интернационалистическим социал-демократом». Большинство профессоров философии этот жаргон все же не стали перенимать. Им было дозволено заниматься своим делом, профессиональные научные издания «реорганизацией» практически не затрагивались. В отличие от коммунистического режима, который не терпел никакого инакомыслия и в университетских аудиториях, нацисты не стали трогать старую профессию. Они намеревались за поколение вырастить ту молодежь, которая будет целиком разделять их идеологию и займет места «мандаринов».

Ряд видных немецких философов продолжал работать в университетах. Никто не мешал Н. Гартману разрабатывать онтологию, писать труды по этике и эстетике, философии науки и истории философии. То же самое можно сказать о других оставшихся в Германии мыслителях. И все же годы нацизма любому наблюдателю предстают как время упадка философии. Быстро изменилась сама атмосфера, среда, в которой ставятся и обсуждаются философские проблемы. В аудиториях лекции слушала воспитанная Hitlerjugend молодежь, сызмальства лишенная тех сомнений, которые ведут к философскому размышлению. Роль государственной идеологии, дающей ответы на все вопросы, стал играть самый неправдоподобный из мифов Веймарской поры — изложенная А. Розенбергом в «Мифе XX века» расовая доктрина. Новое «мировоззрение»³² притязало на «научность» высшего порядка, а вся традиция немецкой мысли отвергалась как устаревший «идеализм». В публичной сфере (Oeffentlichkeit) остались примитивные мифы, иной раз подкрепляемые ссылками на Ницше; философия не уничтожалась целенаправленно, но была загнана если не в «гетто», то в нишу узкой специализации. Ранее притязавший на принадлежность к Kultur немецкий бюргер считал себя обязанным обращаться к философии. Теперь эта потребность исчезла. Пришла новая элита, которой все эти изыски казались излишними.

На протяжении полутора веков философия была в Германии своеобразным средоточием и политических дебатов, и споров по поводу религии, науки, искусства. Эту роль она играла и в Веймарской республике. Теперь она стала частным делом небольшого числа профессионалов, издающих какие-нибудь Kantstudien тиражом в несколько сотен экземпляров. Немецкие философы в большинстве своем негативно относились к республике; со времен Сократа философы вообще нередко с недоверием высказывались о демократии как «власти толпы». Но в условиях политической свободы к мнению философов прислушивались, с ним считались и представители элиты. Уничтожение республики сопровождалось отменой тех прав и свобод,

которые оказались условием существования независимой мысли. В ночь с 31 января на 1 февраля 1933 г., когда восторженные почитатели Гитлера устроили гигантское факельное шествие по Берлину, К. Шмитт, тогда еще совсем не сторонник нацизма, пророчески воскликнул: «Гегель умер в Германии!» Вероятно, он имел в виду смерть правового государства, которое сносит марширующая масса, но эти слова можно толковать и как предсказание об исчезновении свободного поиска истины в чреве нового Левиафана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это выступление нацистов довольно часто представляют как своего рода «оперетку», «пивной путч», но современники хорошо понимали его опасность – Гитлер мог повторить «поход на Рим» Муссолини, просто заговор был плохо подготовлен. Идея свержения республиканского правительства на тот момент владела широкими слоями буржуазии, чиновничества, офицерства, политиков (не только ультраправых, но также части умеренных консерваторов и либералов). На протяжении нескольких лет правительство не могло справиться с галопирующей инфляцией, в Саксонии готовилось выступление коммунистов, прямо поддерживаемое из Москвы (См.: *Mommsen H. Die verspielte Freiheit 1918 – 1933 // Propylaen Geschichte Deutschlands. – Berlin: Propylaen Vlg., 1989. Bd. 8. S. 180 – 182).*

² Важную работу о тогдашнем социальном радикализме написал Плесснер (см.: *Plessner H. Grenzen der Gemeinschaft. Eine Kritik des sozialen Radikalismus (1924) // Plessner H. Gesammelte Schriften. – F.a.M.: Suhrkamp, 1981).*

³ См., например: *Dupeux L. Histoire culturelle de l'Allemagne. 1919 – 1960. – Paris: PUF, 1989.*

⁴ См.: *Адорно Т. Жаргон подлинности. – М.: Канон-плюс, 2011; Бурдье П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. – М.: Праксис, 2003.*

⁵ См.: *Бурдье П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера.*

⁶ См.: *Dahms H.-J. Positivismusstreit. Die Auseinandersetzungen von Frankfurter Schule mit dem logischen Positivismus, dem amerikanischen Pragmatismus und dem kritischen Rationalismus. – F.a.M.: Suhrkamp, 1994. Объединению воспрепятствовали не политические, а философские расхождения. Хоркхаймер и Адорно (ученики позитивиста Г. Корнелиуса) в это время все более становились гегельянцами, тогда как диалектическая логика, будь то Гегеля или Ленина, была совершенно чужда неопозитивистам.*

⁷ *Jung E.J. Die Herrschaft der Minderwertigen, ihr Zerfall und ihre Abloesung durch ein neues Reich / 2. Aufl. – Berlin: Deutsche Rundschau, 1930. На политическое родство Ясперса с «консервативной революцией» четко указывает К. фон Бойме (см.: *Beyme K. von. Politische Theorien im Zeitalter der Ideologien 1789 – 1945. – Wiesbaden: Westdeutscher Vlg., 2002. S. 221 – 222.**

⁸ Тот же Никиш получил пожизненное заключение в 1939 г., а еще 70 участников его подпольной группы, проходившие по этому процессу, были осуждены на разные сроки. Проведенный Г. Моммзенем анализ показывает, что проекты общественного устройства заговорщиков, желавших убрать Гитлера и его окружение в июле 1944 г., в целом были наследием идей «консервативной революции», как ее правого фланга («младоконсерваторов»), так и левого фланга, включав-

шего элементы социализма (журнал Die Tat, «национал-революционеры» и др.) (см.: *Mommsen H. Le national-socialisme et la société allemande. Dix essais de l'histoire sociale et politique.* – Paris: La Maison des Sciences de l'Homme, 1997. P. 243 – 356).

⁹ Учение о «познавательных интересах» Хабермаса и Апеля 1960-х гг. прямо восходит к Ротакеру (а косвенно – к Шелеру).

¹⁰ По существу, этот тезис Ф. Рингера – из книги о немецких университетских «мандаринах» – некритически воспроизводится во множестве публикаций. Следовало бы иметь в виду, что Рингер был близок Франкфуртской школе – с немецкими профессорами той эпохи сводили счеты задним числом, пребывая в Америке.

¹¹ См.: *Littm T. Индивидуум и Сообщество* (1919); *Шпрангер Э. Формы жизни.* (1921); *Vax H. Понимание* (1926); *Миш Г. История автобиографии* (1931).

¹² Кстати, все они были евреями, что ставит под сомнение нередко воспроизводившийся тезис В. Фариса относительно «примордиального» антисемитизма Хайдеггера.

¹³ *Glockner H. Die europäische Philosophie von den Anfängen bis zur Gegenwart.* – Stuttgart: Reklam, 1980. S. 997.

¹⁴ Правда, в 20-е гг. он был занят не столько критикой дарвинизма, сколько разработкой философской психологии и своего учения о «целостности».

¹⁵ См.: *Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне.* – М.: Весь мир, 2003. С. 117 – 142.

¹⁶ Таковым был, например, Карл Шмитт (см.: *Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и Понятие политического.* – М.: Скимень, 2012. С. 81 – 82).

¹⁷ Его учебник «Общая психопатология» (1913) выдержал множество изданий и до сих пор используется в Германии при обучении будущих медиков и психологов.

¹⁸ К платонизму того времени восходит и политическая теория Л. Штрауса с ее недоверием к демократии. В те годы он был активным участником сионистского движения.

¹⁹ *Marquard O. Verweigerte Bürgerlichkeit. Philosophie in der Weimarer Republik // Marquard O. Glück im Unglück. Philosophische Überlegungen.* – München: Wilhelm Fink Vlg., 1995. S. 131.

²⁰ См.: *Зиммель Г. Избранное.* В 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. – М.: Юристъ, 1996. С. 7 – 24.

²¹ См.: *Риккерт Г. Философия жизни* (1920). – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.

²² См.: *Krockow Ch. von. Die Entscheidung. Eine Untersuchung ueber Ernst Juenger, Carl Schmitt, Martin Heidegger.* – Stuttgart: F. Enke, 1958.

²³ Например, в статье «Немецкое философствование между двумя войнами» (1938) он писал о философии Хайдеггера так: «Предфашистская философия, хитрая, злая, утонченная» (*Plessner H. Zwischen Philosophie und Gesellschaft. Ausgewählte Abhandlungen und Vorträge.* – F.a.M.: Suhrkamp, 1979. S. 24).

²⁴ Например, пятый «Закон утопического местоположения. Ничтожествование и трансценденция».

²⁵ См.: *Plessner H. Macht und menschliche Natur. Ein Versuch zur Anthropologie der geschichtlichen Weltansicht* (1931) // *Plessner H. Zwischen Philosophie und Gesellschaft.* S.349 – 350.

²⁶ *Шелер М. Избранные произведения.* – М.: Гнозис, 1994. С. 171.

²⁷ Описание мира овеществления, критика «буржуазного мышления, погрязшего в фетишистских категориях», у Лукача очевидным образом восходит не только к «Капиталу» Маркса, но и к «Философии денег» Зиммеля.

²⁸ В «красной Вене» куда большим влиянием в 20-е гг., чем ортодоксальный психоанализ Фрейда, пользовалось учение А. Адлера, в том числе в тех областях, которые входили в сферу политики. Социал-демократы видели в «индивидуальной психологии» Адлера удобный инструмент для социальных реформ (педагогика, детские сады, женское движение и т.п.). Сам Фрейд относился к этому резко отрицательно (и одобрил военное уничтожение «красной Вены»).

²⁹ Напомню, что статья К.Р. Гемпеля «Функция общих законов в истории», в которой он попытался применить неопозитивистское учение о законах к истории, вышла только в 1942 г.

³⁰ А вот «Философские тетради» с их «гегельянщиной» вызвали отторжение даже у близкого коммунистам О. Нейрата.

³¹ Помимо юнгианства там существовали и другие школы. Еще до создания опирающейся на «Бытие и время» собственной теории Daseinsanalyse Л. Бинсвангер прославился важной книгой о кризисе психологической науки «Введение в проблемы общей психологии» (1922).

³² Слово «философия» не любили, но терпели; под запретом было слово «система» (поскольку на жаргоне нацистов так обозначалась Веймарская республика). Излюбленным и в геббельсовской пропаганде, и в спускающихся из ведомств Гиммлера и Розенберга наставлениях было слово «мировоззрение».

Аннотация

Недолгое время существования Веймарской республики (1919 – 1933) было одним из наиболее плодотворных периодов для немецкой философии. Продолжали работать видные мыслители довоенной эпохи, появились новые важные направления философии. Изменилась проблематика: происходил сдвиг от эпистемологии к онтологии и антропологии. Несмотря на политизированность духовной жизни в этот период, содержание философских дискуссий не сводится к политической борьбе «левых» и «правых». Однако именно политические события положили конец этому периоду: вместе с приходом к власти нацистов философские поиски и дискуссии утрачивают свою значимость для немецкой социальной и духовной жизни.

Ключевые слова: антропология, неомарксизм, неопозитивизм, онтология, психоанализ, философия истории, философская антропология, экзистенциализм.

Summary

The time of the short-lived Weimar Republic (1919 – 1933) was one of the most fruitful periods for the German philosophy. Prominent thinkers of the prewar epoch continued their work, and new important schools of thought emerged. The main interest of philosophical inquiry was shifting from epistemology to ontology and anthropology. Although the intellectual life was rather politicised, the content of philosophical discussions cannot be reduced to political struggle between the left and the right. But the end of this productive period came with political changes: with the rise of the Nazi regime philosophical debates and investigations lost their significance for the German social and intellectual life.

Keywords: anthropology, existentialism, logical positivism, neomarxism, ontology, philosophical anthropology, philosophy of history, psychoanalysis.